

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Шрамко Б. А. Из истории первых послевоенных археологических раскопок (воспоминания) // Українська історична наука на порозі ХХІ століття. Харківський історіографічний збірник. – Харків: Авеста, 1996. – Вип. 2. – С. 137 – 148.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

Б.А. Шрамко

**Из истории первых послевоенных
археологических раскопок
(воспоминания)**

Шрамко Борис Андрійович

доктор історичних наук,
заслужений професор
Харківського державного університету.

Від редактора

Ім'я Б.А.Шрамка широко відоме серед археологів та істориків не тільки України, а й далеко за її межами. Більш ніж 40 років він плідно працює на благо науки. Його праця високо оцінена фахівцями. Доктор історичних наук, заслужений професор Харківського державного університету (зазначу, що цим званням він був відзначений першим після 80-річної перерви) Борис Андрійович являє собою тип зразкового вченого, який поєднує в собі велику працездатність (він автор більш 300 наукових робіт), принциповість, високу педагогічну майстерність та бездоганне виконання громадського долгу. На грудях у ветерана Великої Вітчизняної війни Б.А.Шрамка бойові нагороди за визволення України, Румунії, Угорщини, Австрії та Чехословаччини.

Де кілька десятиліть він успішно веде розкопки Бельського городища - найбільшого городища Східної Європи скіфської доби. За цей час їм було досліджено більше 50 тисяч квадратних метрів культурного шару і одержані видатні результати.

Свій досвід та майстерність Б.А.Шрамко передає численним учням, які зберігають почуття глибокої поваги та вдячності до свого вчителя і сприяють подальшому утвердженню в науці харківської школи археологів.

Вскоре после того, как отгремели последние залпы войны и начался нелегкий восстановительный период, археологи Харьковского госуниверситета возобновили прерванные войной полевые археологические исследования на Харьковщине.

Так как основные научные интересы заведующего кафедрой древней истории и археологии профессора С.А. Семенова-Зусера в то время лежали в области скифской археологии, то в 1945 г. были продолжены [1] начатые еще в 1939 г. [2] раскопки курганов Люботинского курганного могильника в той его части, которая расположена на пологих возвышенностях между городом Люботиным и пгт Караван. Однако раскопки эти не удовлетворили С.А. Семенова-Зусера, так как выяснилось, что многие курганы этого могильника начисто ограблены, а другие содержат погребения с очень бедным инвентарем. С.А. Семенов-Зусер решил перенести работы на другой памятник. Но вначале было неясно, какой памятник следует выбрать. Поэтому случилось так, что, вернувшись в 1946 г. после демобилизации из армии на истфак Харьковского университета, я совершенно случайно оказался участником совещания, которое должно было найти ответ на этот вопрос. Случайно потому, что я собирался решить более прозаический, но важный для студента вопрос о ликвидации задолженности по археологии, которая образовалась из-за изменения учебных планов.

После войны я был восстановлен студентом III курса истфака, но при этом оказалось, что нынешние студенты уже сдавали экзамен по археологии, а до войны этого предмета не было в учебных планах I и II курсов. Необходимо было досдать этот предмет. Я почитал рекомендованную литературу и конспекты своих сокурсников. Учебника по археологии тогда у нас не было. Изданные в МГУ небольшим тиражом 1 и 2 издания (1940–1941 гг.) «Введения в археологию» А.В. Арциховского до нас не дошли, как, впрочем, и послевоенное третье издание 1947 г., которое в широкую продажу не поступало. Об изданной в 1945 г. в Уфе «Історії України» (т.1), в ко-

торой были сведения по археологии Украины, никто из нас вообще не слышал. Основным учебным пособием были «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы...» Ю.В. Готье [3]. Была у меня еще купленная у букиниста переводная книга Г. Обермайера о древнем человеке, да на кафедре чудом сохранилось харьковское издание «Введения в историю Греции» В.П. Бузескула [4]. Короче говоря, вскоре я обратился к С.А. Семенову-Зусеру с просьбой назначить мне время для сдачи экзамена. Он ответил: — Приходите завтра к трем часам ко мне домой, и тогда все решим. Когда я пришел к Семену Анатольевичу в его плотно заставленный шкафами и полками с научной литературой кабинет, то у нас завязался разговор об археологии довоенных лет. Оказалось, что Семен Анатольевич помнил меня как одного из активных членов археологического кружка, так как я выступал на этом кружке с докладом о мегалитических памятниках и несколько раз обращался к С.А. Семенову-Зусеру за консультациями по поводу таврских мегалитов Крыма, которые он в свое время изучал [5, 6, 7]. Когда разговор о мегалитах закончился, Семен Анатольевич спросил у меня:

- Что у Вас там с экзаменом?
- Да вот, как Вы помните, до войны мы курс археологии не слушали и соответственно экзамен по этому курсу не сдавали, и сейчас у меня нет оценки по этому предмету.
- Давайте матрикул.

Я протянул ему свою зачетную книжку, и он, ни слова не говоря, поставил в ней «5» по археологии.

- Но, Семен Анатольевич, я ведь пришел только для того, чтобы узнать, когда Вы сможете принять у меня этот экзамен.
- Ну вот и считайте, что Вы его уже сдали. Кстати, Вы, кажется участвовали в довоенных разведках И.Н. Луцкевича?
- Да, в некоторых и на раскопках кургана в Мерчике.
- Ну тогда не уходите. Сейчас у меня будет небольшое совещание по вопросу о новых раскопках. Послушайте. Может быть, и Вы захотите участвовать в них.

Уговаривать меня, конечно, не пришлось. Я остался. Через некоторое время в кабинет к Семену Анатольевичу пришли 5 или 6 студентов старших курсов из тех, кто в свое время принимал участие в довоенных разведках и раскопках под руководством заведующего Археологического музея ХГУ И.Н. Луцкевича.

Выступавшие предлагали для новых раскопок различные памятники, но вскоре стало ясно, что довоенных сведений недостаточно. Дело в том, что за последние годы на местности многое изменилось, некоторые территории попали в зону расположения военных объектов, где нельзя было проводить не только раскопки, но даже разведки. Некоторые памятники просто трудно было отыскать по имеющимся данным. Короче говоря, было решено провести дополнительные разведки уже известных по данным Д.И. Багалея и по разведкам группы А.С. Федоровского—И.Н. Луцкевича, чтобы выяснить, где целесообразно организовать раскопки в настоящее время.

Разведки были проведены и, в конце концов, после некоторых колебаний, С.А. Семенов-Зусер решил остановиться на городище и курганном могильнике, которые расположены на левом берегу р. Гомольши в Змиевском районе Харьковской области. К этому решению, возможно, подтолкнуло полученное С.А. Семеновым-Зусером сообщение местного жителя села Большая Гомольша А.С. Клименко, который рассказал, что он был участником раскопок А.С. Федоровского в 1928—1929 гг. и что в это время А.С. Федоровский раскопал в лесу около Большой Гомольши курган, в котором было обнаружено богатое погребение воина с мечом в яме, обложенной деревом (склеп?). Было, правда, странно, что о раскопках этого кургана не было никаких сведений в хроникальных обзорах А.С. Федоровского и о таком кургане никогда не упоминал И.Н. Луцкевич. Но само по себе сообщение не содержало ничего невероятного.

В 1949 г. начались раскопки Великогомольшанского городища, а затем и курганного могильника [8, 9]. Собираться в экспедицию было несложно, так как почти никакого экспедиционного имущества у нас тогда не было. Единственным прибором был привезенный с войны компас. Позже геологи передали нам старинный, дореволюционного выпуска теодолит и рейку. Затем откуда-то появился предназначенный для установки на фундамент станков оптический квадрант, который мы удачно приспособили для съемки профилей. Палаток не было и поэтому для экспедиции, которая была небольшой, снимали обычно комнату в каком-либо деревенском доме. Так было и на этот раз, когда начались раскопки в Большой Гомольше.

Случилось так, что мы, студенты, прибыли в большую Гомольшу раньше Семена Анатольевича, потому что он задержался в связи с

оформлением каких-то экспедиционных бумаг в Харькове и должен был приехать вечером. Наша студенческая группа членов экспедиции, прибыв в Большую Гомольшу, нашла заранее арендованное помещение и решила, что не мешало бы перекусить. Но с продуктами у нас дело обстояло очень плохо. Перед отъездом С.А. Семенову-Зусеру с большим трудом удалось добиться того, чтобы на каждого участника экспедиции выдали на месяц по 100 гр. сахара. Больше у нас ничего не было. Вначале хотели просто выпить чаю, но потом вдруг у кого-то возникла авантюрная мысль сделать грандиозный гоголь-моголь. Для этого, правда, нужны были еще яйца. Долго уговаривали хозяйку квартиры дать нам в долг десяток яиц. Мы ей не внушали доверия. Мы заверяли, что скоро придет профессор и немедленно заплатит за них. Наконец, когда мы добавили к этому, что профессор непременно купит у хозяев еще и козленка (которого они давно безуспешно пытались продать), нам были выданы яйца и даже тазик для приготовления гоголя-моголя. Когда вечером приехал С.А. Семенов-Зусер, мы уже сидели вокруг стоявшего на табуретке тазика и с огромным удовольствием уплетали яйца, растертые с нашим месячным запасом сахара. Пригласили Семена Анатольевича отведать получившееся блюдо. Он попробовал, одобрил вкус, но потом вдруг подозрительно спросил: «А где Вы, уважаемые, взяли такую уйму яиц и сахара?». Когда ему все объяснили, он чуть было не упал в обморок, но затем тотчас же поспешил к хозяйке дома и отменил, как несогласованную с ним, покупку козленка. С потерей сахара пришлось примириться, а за яйца заплатить. Мы в свою очередь заверили, что продержимся до конца экспедиции и без сахара. Вместо чая с сахаром будем пить заварку с травкой зверобоем и душицей.

Впрочем, Семен Анатольевич зла не таил, и на утро мы уже все как ни в чем ни бывало отправились на раскопки. Начали изучение оборонительных сооружений городища. Сняли план, заложили раскоп, который должен был дать разрез вала и рва. Работа продвигалась успешно, но в середине дня на склоне рва мы вдруг заметили кусок железа, который оказался частью стабилизатора авиабомбы. Работы приостановили. В соответствии с требованиями безопасности участок оградил веревкой с флажками, позвонили из сельсовета в военкомат, попросив прислать саперов. После этого, предупредив

толпившихся вблизи местных жителей, чтобы до прихода саперов ничего не трогали, ушли на обед в свой дом, который находился вблизи. Однако не успели мы сесть за стол, как прозвучал мощный взрыв и послышались какие-то крики. Мы бросились к раскопу, над которым еще оседала пыль от выброшенной взрывом земли. Оказалось, что после нашего ухода местные ребята привязали к стабилизатору длинную веревку и, спрятавшись за валом городища, дернули за нее. От рывка взрыватель сработал. Бомба взорвалась, но, к счастью, никто не пострадал, если не считать, что в расположенном вблизи колхозном здании вылетели стекла из окон. Крики же оказались криками радости ребят, которые были в восторге от того, что их затея удалась. После взрыва работу на этом раскопе мы больше не продолжали, а затем и вовсе прекратили изучение городища и перешли к раскопкам курганов, расположенных в лесу за селом. Раскопки велись вручную, без применения какой-либо техники. Поэтому удалось раскопать лишь несколько небольших курганов, но и при этом удалось получить некоторые новые интересные сведения. Например, было впервые найдено погребение с перекрытием в виде двускатной крыши, видимо повторяющим схему основы крыш жилищ на поселении.

В 1946 году С.А. Семенов-Зусер как-то зашел в комнату, где мы, студенты, занимались камеральной обработкой находок, в сопровождении какого-то незнакомого нам невысокого сухонького старичка, и сообщил, что у нас в качестве лаборанта кафедры будет работать В.А. Бабенко. Так мы впервые познакомились с этим человеком, который для нас был настоящей живой легендой. Ведь это был первооткрыватель известного салтовского катакомбного могильника, расположенного у с. Верхний Салтов в Харьковской области, человек, который был лично знаком с такими корифеями археологической науки, как Д.И. Багaley, А.А. Спицын, В.А. Городцов, А.С. Уваров и другими известными нам по литературе. Особо важную роль в судьбе этого простого сельского учителя, ставшего широко известным ученым, сыграла графиня П.С. Уварова, и В.А. Бабенко не без гордости показывал нам фотографию, на которой он был сфотографирован рядом с этой исследовательницей Сев. Кавказа [10].

Именно В.А. Бабенко уговорил С.А. Семенова-Зусера перейти к раскопкам в Верхнем Салтове, хотя он до этого никогда раннесредневековыми древностями салтово-маяцкой культуры не занимался. Привлекало богатство и разнообразие находок в салтовских катакомбах, но денег для организации такой экспедиции в университете не было. Однако С.А. Семенову-Зусеру удалось добиться поддержки Л.М. Славина, с которым он был давно знаком благодаря изучению античной Ольвии. В результате была организована совместная с Институтом археологии АН УССР Салтовская экспедиция, которая работала в 1946–1948 годах [11, 12]. Это был, кажется, первый случай, когда академической экспедицией руководил не сотрудник Института археологии, а профессор Харьковского университета. Профессор С.А. Семенов-Зусер официально и реально возглавлял экспедицию, а работали в ней студенты и сотрудники Харьковского университета: научный сотрудник В.А. Бабенко, фотограф В.В. Кулешов. Я был зачислен в состав экспедиции в качестве заместителя начальника экспедиции и в мои обязанности входило составление под руководством С.А. Семенова-Зусера описания катакомб на основе полевой документации и находок. Другой студент, Г. Иващенко, который хорошо рисовал, сделал все чертежи погребений, планы местности, ряд рисунков вещей. Это был несомненно талантливый парень, влюбленный в археологию, и жаль, что его не оставили при кафедре для дальнейшего повышения квалификации. Я рисовал хуже его, и из моих зарисовок в печать попали только два рисунка находок из катакомбы № 4 1948 года (рис. 5 и 6), которую я сам расчищал.

Методика поиска новых катакомб (которые были видны снаружи воронкообразными провалами сводов, и тех, которые обнажились при размыве склонов оврага) была рекомендована В.А. Бабенко. Учитывая опыт прежних раскопок, он предложил закладывать узкие траншеи поперек склона возвышенности. При этом в траншеях обнаруживались пятна входных коридоров (дромосов), которые вели ко входу в катакомбу, расположенную часто на большой глубине. При этом дромосы обычно вскрывались не полностью, а лишь в том направлении, которое вело к катакомбе. Противоположный конец дромоса определялся путем интерполяции. Вырытые на большой

глубине в плотной глине, катакомбы во многих случаях имели хорошую сохранность, и поэтому после предварительного простукивания свода самим В.А. Бабенко погребения расчищали без установки каких-либо креплений. В.А. Бабенко уверял, что своды, если они не обвалились к моменту раскопок (преимущественно из-за просачивания воды сверху) и держались даже после простукивания их, будут стоять достаточно долго, действительно, наблюдения при наших раскопках показали, что уже исследованные катакомбы сохранялись иногда в течение одного и даже двух лет. Впрочем полностью гарантировать устойчивость свода и игнорировать установку креплений нельзя, так как прочность свода зависит от многих условий, в том числе и от наличия в почве незаметных внутренних трещин. Не в каждой экспедиции имеется такой знаток катакомб, каким был В.И. Бабенко, обладавший огромным опытом и особой интуицией, имевший даже в старости прекрасную память, слух и знавший секреты «простукивания».

Никакой механизации при раскопках могильника тогда не применяли. Работавшие в экспедиции делились на две группы, которые мы условно шутя называли между собой «нижние» и «верхние». «Нижние» по 2–3 человека (студенты и иногда подсобные рабочие из местных жителей) при свете свечи расчищали погребения в катакомбах, делали на месте рабочие чертежи, складывали в одно ведро находки, а в другое просмотренную землю. «Верхние» поднимали веревками ведра, упаковывали находки для дальнейшей перевозки и освобождали ведра от земли. При этом иногда случались различные казусы. Так, при расчистке в катакомбе № 7 одного погребения, костяк которого сохранился довольно хорошо: кости были твердыми и лежали в правильном анатомическом порядке, расчищавшие увидели, что не хватает костей ступни одной ноги. Переданное «верхним» сообщение об этом вызвало там оживленную дискуссию. Кто-то из студентов поспешил даже высказать предположение о том, что поврежденная зверем часть ноги была в древности ампутирована и на этом месте надо искать не кости, а остатки протеза. Продолжение расчистки катакомбы показало, что все было гораздо проще. Кроты, которые часто хозяйничали в катакомбах, разломали и перетаскивали недостающие кости в свою кротовину, где эти кости позже нашли. Волнение вызвало и другое сооб-

шение, переданное «верхним». У черепа одного из покойников в катакомбе № 16 нашли бронзовую серьгу, но второй серьги не обнаружили, хотя погребение сохранилось хорошо и даже злосчастных кротовин около черепа не было видно. При передаче сообщения, как в испорченном телефоне, его исказили и до «верхних» дошло, что золотую серьгу либо пропустили, либо утаили. Во всяком случае Семен Анатольевич настоял на тщательном вторичном осмотре всей почвы. Распоряжение было выполнено, но второй серьги так и не обнаружили. Потом он сам вспомнил, что мужчины иногда носили именно одну серьгу. Видимо, у салтовцев существовал такой же обычай.

В трудных условиях работал лаборант кафедры фотограф В.В. Кулешов, так как необходимые фотоматериалы достать было трудно, университет экспедицию ими не снабжал. Расчистку погребений мы вели при свете стеариновой свечи. Ламп-вспышек не было, а с магниевой вспышкой в небольшом замкнутом пространстве катакомбы работать было опасно. Поэтому вещи снимали преимущественно уже в Харькове, в кафедральной фотолаборатории. Надо сказать, что фотографии для отчетов, несмотря на все трудности, В.В. Кулешов делал отличные.

Студенты работали в экспедициях с большим энтузиазмом, причем среди них были не только студенты истфака, но также химики и филологи, среди которых оказывались также любители археологии. Все участвовавшие в раскопках историки использовали полученные материалы и свои экспедиционные наблюдения в своих курсовых и дипломных работах. Не было ни одной студенческой научной конференции, на которой студенты не выступали бы с докладами по археологической тематике. И это при том, что специализации по археологии тогда еще не было. Семен Анатольевич всегда старался приобщать студентов к научной работе, давал возможность использовать редкие издания из своей библиотеки, подчеркивал важность изучения древних и иностранных языков для того, чтобы иметь возможность лучше использовать источники и литературу.

1. СЕМЕНОВ-ЗУСЕР С.А. Археологічні дослідни ХДУ в 1945 р. // *Археологія*. 1948. Т. 2, С. 219.
2. БРЕЧКА М.Ф. Археологічне дослідження скіфських пам'ятників в околицях Люботина // *Наук. зап. ХДНІ*. 1939. Т. 1, С. 219–227.
3. ГОТЬЕ Ю.В. *Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства*. Т. 1. Л., 1925.
4. БУЗЕСКУЛ В.П. *Введение в историю Греции*. Харьков, 1903.
5. СЕМЕНОВ-ЗУСЕР С.А. Раскопки крымских дольменов // *Сообщения ГАИМК*. 1931, № 7, С. 23–25; Его же. Таврские мегалиты // *Наук. зап. ХДПІ*. 1940. Т. 5 С. 110–161; Его же. К вопросу о мегалитических памятниках // *Природа*. 1931. № 5, С. 479–506.
6. СЕМЕНОВ-ЗУСЕР С.А. Вогнище скіфської культури // *Соціалістична Харківщина*. 1950. 13 сент. Шрамко Б.А. Поселення скіфського часу в басейні Дінця // *Археологія*. 1962. Т. 14, с. 139.
7. УВАРОВА П.С. Могильники Северного Кавказа // *Материалы по археологии Кавказа*. 1900. Вып. 8.
8. СЕМЕНОВ-ЗУСЕР С.А. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. // *АП УРСР*, 1949, Т. 1. С. 112–137; СЕМЕНОВ-ЗУСЕР С.А. Исследования Салтовского могильника // *АП УРСР*. 1952. Т. 3. С. 271–284.